

30-е годы в деревне. Жизнь натужна и угрюма, как задерганная лошадка, тянущая непосильный воз в гору. В колхозе скатертей-самобранок не раздавали, урожаи давались потом и кровью. Ежедневная карусель неотложных земных дел крутила и скрипела и мчала вихрем по кругу. Волны коллективизации и отбора «излишков» у крестьян захлестнули страну, что с энтузиазмом строила самое развитое и самое человеческое общество на земле. Брошенная на сельские просторы громяющая казенная машина прореживала и просеивала, поливала и косила, боронила и запахивала.

Да и погодка частенько, осерчав на такую жизнь, то мутила воду, опуская свои ливневые потоки в местную тихую речку и превращая поля в топкие болотца, то, вдруг спохватившись, уходила в себя и, застегиваясь наглухо, палила из всех своих солнечных батарей по полям и лугам, садам и огородам. Не щадя робкие стебельки-подростки, выжигала на корню молодые посевы.

Этот год выдался на редкость безрадостным. А ведь чуть не в каждой избе – семеро по лавкам. В самой что ни на есть обычной русской деревне жили-маялись и Иван с Варварой. Детей у них было пятеро, мал мала меньше, все – погодки. Самому младшему – год от роду. Где-то при трех или двух детях хлопот – от полу до стропил, а тут – аж пятеро ртов. Настало время – уже и мальцов накормить нечем. И тут у Варюхи, надорвавшись, слег кормилец, Иван. Лежит неделю, вторую,

а дела стоят. Смотрит как-то сосед Степан на его дом: крыльцо и то охромело, на одну ногу припадает. А на днях вдобавок еще ветер шальной прямо по крыше сараюхи с хлебом прогулялся. И старый плетень, как непьющего после стакана самогона, перекосило.

А Ивану все хуже и хуже. Вот-вот к предкам своим на небеса отправится. По всему, последние часы доживает. Перед смертью подзывает он своего соседа, Степана, с которым прожили бок обок, и не год, не два, а лет этак тридцать с гаком.

– Послушай, Степан. Не жилец я на этом свете, – с трудом произносит он, напрягая жилы. – Ребятишек жалко – не потянет Варюха, сгинут ведь. Не дай лиху случиться. Подсоби, как могёшь.

И на следующий день умер.

Степан со своей Дарьей жили одни, без детей. Был мужик работающим, мастеровитым, к тому же добрым. А вот наследниками они не обзавелись, не получилось. Конечно, не раз завидовали соседу в этой части, без детей жить – как поле без урожая, лето без дождя. К тому же и в хозяйстве будущие молодые помощники ох как нужны. И вообще, кто дело, которым жили их деды и прадеды и их прапрадеды, продолжать будет? Не было у них и родственников: единственного Дарьина брата взяли за какие-то слова, которые он на людях сгоряча взял да и выдал напрямую о раскулаченных: дескать, умели те работать.

Схоронили Ивана, вернулись Степан с Дарьей домой. Присели: ну, как соседям помогать будем? Прикинули, что да как, – всё не то. Там же все дела по дому обделывать надо, кругом крутиться, чинить, латать, в огороде горбиться, дрова на зиму заготовливать, сено домашней скотине припасать. Да еще и в колхозе лямку тянуть. А детей подымать? Кормить, одевать-обувать, всяким премудростям да полезностям учить. За каждым ох как глаз нужен: не справится Варюха, всё в тартарары пойдет...

Сидят – только вздыхают да охают. И вот смотрит Дарья в упор на Степана, потом, потупившись, отводит взгляд, снова смотрит:

– Давай-ка, Степуха, перебирайся в Иванов дом. Станешь там за хозяина. Ребятишкам своим будешь.

– Ка-ак?

– А я обойдусь.

– Да ты что?

– Мне одной много не надо. А то ничего не выйдет, пятерых мальцов погубим. Иди. Бог в помощь тебе!

Почесал Степан в затылке, крикнул, встал, непроизвольно махнул рукой... Раскачиваясь, подошел к широкой лавке у стены, достал ящик с инструментом, снял с крючка фуфайку, сунул ее под мышку, надел картуз и – ступил за порог.